

(Путней. 25 июля 1857 г.)<sup>1</sup>

Любезный Алексей Алексеевич,

Я уже не завидую вам в том, что вы в Париже, оттого что, по вашим письмам, там не так хорошо, как я думал. Но я все-таки храню зависть за то, что вы едете в Россию<sup>2</sup>. Как бы я желал быть снова с вами, и особенно пожить с вами в России. Надеюсь, что это время еще придет когда-нибудь!

С вашего отъезда я время провел довольно печально, мне все нездоровилось; наконец теперь я выздоравливаю.

Одна вещь только меня обрадовала, это ваша машинка для визитных карточек. Она печатает отлично, и вместо подписи я сегодня напечатаю свое имя ею.

Как мне жалко, что я не могу более брать уроков математики у вас! Я думаю, что с вами я бы скоро полюбил эту науку, оттого что вы преподаете ее совершенно другим образом, как (!) все профессора.

Погода здесь дурна; ветрено, жарко и тяжело.

Сегодня у нас обед: двое соотечественников и г-жа Meysenbug<sup>3</sup>.

Прощайте, целую вас сто раз.

Печатаю пол-имени.

A l e x a n d r e

<sup>1</sup> Датируется по непосредственной связи с письмом Герцена к Мальвиде Мейзенбург от 23 июля 1857 г., в котором он сообщал, что "Алекс(андр) нездоров", и спрашивал, не придет ли Мейзенбург обедать к ним в субботу (которая приходилась на 25 июля). Ср. сообщение Саши: "Сегодня у нас обед: двое соотечественников и г-жа Meysenbug".

<sup>2</sup> А.А. Тучков приехал в Путней около 24 июня и уехал оттуда 18 июля (см. ЛЖГ, II, 349, 355). Возвращаясь в Россию, он некоторое время провел в Париже, куда и адресовано публикуемое письмо.

<sup>3</sup> Письмо позволяет установить, что обед, на который Герценом приглашена была Мейзенбург 23 июля, состоялся (Саши, очевидно, не называет приглашенных по имени из конспиративных соображений. Первый – вероятно, один молодой русский, по словам Герцена, "из новых". ("Мы – старая гвардия, они – представители завтрашнего дня" – XXVI, 108.) Второй (также предположительно) – К.-К. Гофман, профессор Гейдельбергского университета (знакомый брата Мальвиды Мейзенбург), с которым Герцен встречался еще в Москве. Гофман преподавал в Московском университете в 1840-х годах древнегреческую словесность.

## ТАТЕ И ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН

Публикация Л.И. М а т ю ш е н к о и И.М. Р у д о й

После смерти жены, в условиях эмиграции, в атмосфере все усложнявшихся взаимоотношений с Тучковой-Огаревой, Герцен возлагал на сына большие надежды в соединении семьи. Об этом говорится в письме к сыну от 1 января 1859 г. (книга 1-я наст. тома). Эта тема – одна из важнейших в переписке Герцена с сыном на протяжении 1858–1869 гг., вплоть до последних дней его жизни. Герцен очень большое значение придавал переписке сына с сестрами, с юношеских лет воспитывал в нем заботу о них. Характерно, что именно в связи с отношением Саши к сестрам Герцен разъясняет: "Внимание выражает деятельную любовь" (XXVI, 203). Герцен воспитывает в сыне мужественность и широкую гуманность (см. XXVII, 24). Нередко все письма Саши к сестрам в какой-то мере оцениваются отцом. Следует сказать, что некоторые из известных нам писем и приписок позволяют видеть насколько значительна была роль брата в сохранении у девочек памяти о матери, роль связующего звена в семейных отношениях. Однако чаще Герцен высказывает неудовлетворенность сыном. И хотя упреки были порой несправедливы, опасения Герцена, что со времени женитьбы его сын отдалился от сестер, во многом оправдались. Преподавательская и научная деятельность, заботы о собственной многочисленной семье, в известной мере даже само семейное счастье притупили его внимание к сестре в период общения Таты с Пенизи. Брату не удалось предотвратить и отдаление Ольги. Через несколько лет в его доме трагически прервалась жизнь его младшей сестры Лизы.

Теснее всего А.А. Герцен был связан со старшей сестрой. Во многом это зависело от самой Таты, в характере которой Огарев находил много общего с матерью (см. XXVII, 517). По свидетельству Тучковой-Огаревой, Тата очень тосковала после отъезда брата в Швейцарию (Тучкова-Огарева, 136). Известные нам обращения Н.А. Герцен к Александру Александровичу всегда исполнены сердечности, сестринской нежности и теплоты. Она живо интересовалась научной деятельностью брата, читала его работы, следила за его полемикой с клерикальной партией. Именно Тата проникательнее всех родных поняла будущую жену А.А. Герцена Терезину Феличи. Глубокая, сердечная привязанность Натальи Александровны к семье брата не ослабела и после смерти отца, она всегда была в этой семье родным человеком. Дошедший до нас документ, в котором А.А. Герцен рассказывает о наследстве отца и финансовом положении своей семьи (см. ниже), позволяет увидеть, как благородно вела себя Н.А. Герцен в этих вопросах и как существенна была ее материальная помощь семье брата.

Письма к сестрам по-новому характеризуют и Александра Александровича. В отличие от его писем к отцу и даже к Огареву, в письмах к сестрам, а особенно к Тате, он более открыт, более свободен в своих высказываниях.

Письма 1863 г. особенно значительны для характеристики революционной деятельности А.А. Герцена. Письма, помеченные 1863 г. – мартом и 4 апреля, написаны им непосредственно после поездок по делам, связанным с польским восстанием 1863 г., в качестве заграничного агента “Земли и воли”.

Отношение А.А. Герцена к польскому восстанию формировалось под влиянием взглядов Герцена и Огарева. В первом письме интересно упоминание о пятичасовом споре в доме С.Л. Левицкого – о Польше и России, который сын Герцена вел с энергией и темпераментом. О содержании спора можно получить представление благодаря письму Александра Александровича к сестрам и М. Мейзенбург, написанному накануне поездки в Париж, 5 марта (XXVII, 295), и особенно по письму А.А. Герцена к самому С.Л. Левицкому от 18 апреля (см. ниже).

Об этих поездках Герцена-сына в марте-апреле было известно и ранее (см. XXVII, 304). Но становится ясно, что А.А. Герцен ездил не только в Париж, но и в города По и Бордо. Содержание писем, естественно, не позволяет установить, с какими именно поручениями он был отправлен.

Письма 1–3 публикуются по ксерокопиям ГЛМ с автографов ИРЛИ (дар Л. Риста); п. 4 и 5 – по копиям РГБ с автографов ВЛ. В п. 3 приписка Герцена.

## 1

(Лондон. Между 11 и 24) марта 1863 г.<sup>1</sup>

Милая Тата, перед отъездом из Парижа я провел очень приятный вечер у Левицких. Он со мною спорил об Польше и России от 6-ти часов до 11-ти. Петрофуф<sup>2</sup> выражал то радость, то злбу своим самодовольным кряхтением; m-me L(évitky) и Флиночка<sup>3</sup> слушали обе стороны, не сводя глаз с нас, и, кажется, сочувствовали гораздо более мне. Флиночка вообще развивается очень быстро, умнеет и хорошеет. Рафа так же молчит; близнецы так же смешны<sup>4</sup>. Серг(ей) Львович сделал очень милое открытие, lanternes magiques<sup>21\*</sup>, так устроенные, что портрет (фотографический), который он отражает на стену, меняет выражение лица: то сердится, то хочет, то плачет, то зевает, и т.д. – это как-то отталкивающе привлекательно<sup>5</sup>.

Здесьних веселий я не видел, в субботу был в Париже; во вторник приехал на Victoria av(енue) в начале иллюминации, но отправился домой и лег отдохнуть, покуда никого дома не было, а потом голова была полна другим. – Обнимаю вас.

С и н к

<sup>1</sup> Датируется по содержанию: А.А. пишет, что “в субботу”, т.е. 7 марта, он “был в Париже”, вернулся “во вторник”, 10 числа, в день иллюминации по случаю приезда в Лондон датской принцессы, невесты принца Уэльского. Об этих торжествах пишет и Герцен (см. XXVII, 296–297).

<sup>21\*</sup> волшебные фонари (франц.).

<sup>2</sup> Петрофур – П.А. Захарьин, брат жены Герцена, в эти годы помощник С.Л. Левицкого.

<sup>3</sup> m-me Léviitsky – Анна Антоновна, жена Левицкого; Флиночка – дочь С.Л. и А.А. Левицких, Полина.

<sup>4</sup> Близнецы – сыновья Левицких, Владимир и Лев.

<sup>5</sup> В 1858 г. Левицкий открыл в Париже свое фотографическое ателье, считавшееся одним из лучших в Европе. См. о нем: С.Л. Л е в и ц к и й. Из воспоминаний старого фотографа (“Фотографический ежегодник”, 1892, с. 175–189); С. М о р з о в. Первые русские фотографии-художники. М., 1952, с. 13–20; А.А. С ы р о в. Путь фотоаппарата. М., 1954, с. 12.

4-го апр(еля) 63. Лондон

Милая Тата,

Вот я опять ездил на континент и был еще ближе к вам – но вас не догонишь – вы всё дальше и дальше<sup>1</sup>. Ездил я в городок в Южной Франции повидаться с одним господином; городок же сей называется, смотря по тому, как кто переводит, кожей или горшком<sup>2</sup>, и вот что со мной там было. Сидел я 22 часа в вагоне, приезжаю и отправляюсь прямо по адресу, данному мне к моему господину (Say X.); искал, искал, и что же? вижу, что мой 14-й номер вовсе не дом – а сарай, где живут вовсе не люди – а сено с мышами. Спросил в 13-м, спросил в 15-м – не знают X.’а. Старичок лет 65-ти, мужичок, приблизился и, узнав, что я ищу, – повел меня в несколько домов справляться, – не знают. Наконец, старичок предложил мне идти в bureau<sup>22\*</sup>, где записаны все иностранцы. Нету имени X.’а, но зато я вспомнил, что он знаком с каким-то А., и отыскал имя и адрес m-me А. Старичок меня туда свел, я вхожу, извиняюсь, говорю, что вот ищу X.’а, приятеля... М-me А. говорит, что никогда не слыхала об нем, – оказывается, что это другая m-me А. = и что настоящей m-me А. в горшке вовсе нет. Старичок свел меня в Главный почтамт. Там, наконец, объяснили, что, во-первых, номера переменены, а, во-вторых, X. переехал туда-то. Ну, слава богу, подумал я – наконец-то! Старичок меня свел и туда; прихожу, звоню, спрашиваю X.’а – мне говорят: “Да, он здесь живет, но уехал...” – “Когда?” – “Вчера”. – “Куда?” – “Не знаем”. “Надолго?” – “На неделю”. Тут меня поразила страшная мысль, что куда я сидел к нему из Парижа (22 часа!), он сидел в Париже... Старичок меня свел в Телеграф. Я отправил депешу к знакомому X.’а в Париже, требуя немедленного ответа – ответ пришел: X. n’a pas, que je sache, quitté<sup>23\*</sup> горшок (т.е. не вылезал из кожи). Ночь – темнота. Старичок меня свел в гостиницу и даже нес мой недочемоданчик. – Только и оставалось лечь спать. Коль скоро я взял комнату в отеле, старичок мне говорит: “Beng al bongsoir, moungsion”<sup>24\*</sup>. А я ему: “Погодите же, ведь я вам еще не заплатил”, а он мне: “Ma esque, moungsiou pense que j’abia fait ça pour d’l’argent?”<sup>25\*</sup> Je vous laisse à penser comme j’étais foudroyé, habitué que je suis aux Anglais!”<sup>26\*</sup> Я ему предлагал со мной ужинать – бутылку вина выпить – он ничего не принял и ушел... Каков старичок-мужичок?

На другой день я опять отправился на квартиру X.’а узнать, не слыхали ли чего-нибудь о нем... ничего! Наконец, хозяйка говорит: “Да были ли вы у m-г В.?” – “Нет”. – “Он очень близок с m-г X. – особенно муж старшей дочери m-г В.” – соотечественник и большой друг m-г X.”. “А как его зовут? – M-г А.”. – Тут я догадался, что это и есть настоящий А., которого я искал... Я бросился к нему... “M-г et m-me А. sont partis”. – “Comment? et m-г X. avec eux?” – “Oui”. – “Où sont-ils? – “Nous ne savons pas”. – “Et m-г В.?” – “Il est chez lui”. – “Demandez-lui où ils sont et leur adresse; il doit savoir...” – “M-г В. fait dire qu’ils sont à Bordeaux, mais il ne sait pas leur adresse. Voici, pourtant, l’adresse de leur banquier à Bordeaux qui saura la leur”<sup>27\*</sup>.

<sup>22\*</sup> контору (франц.)

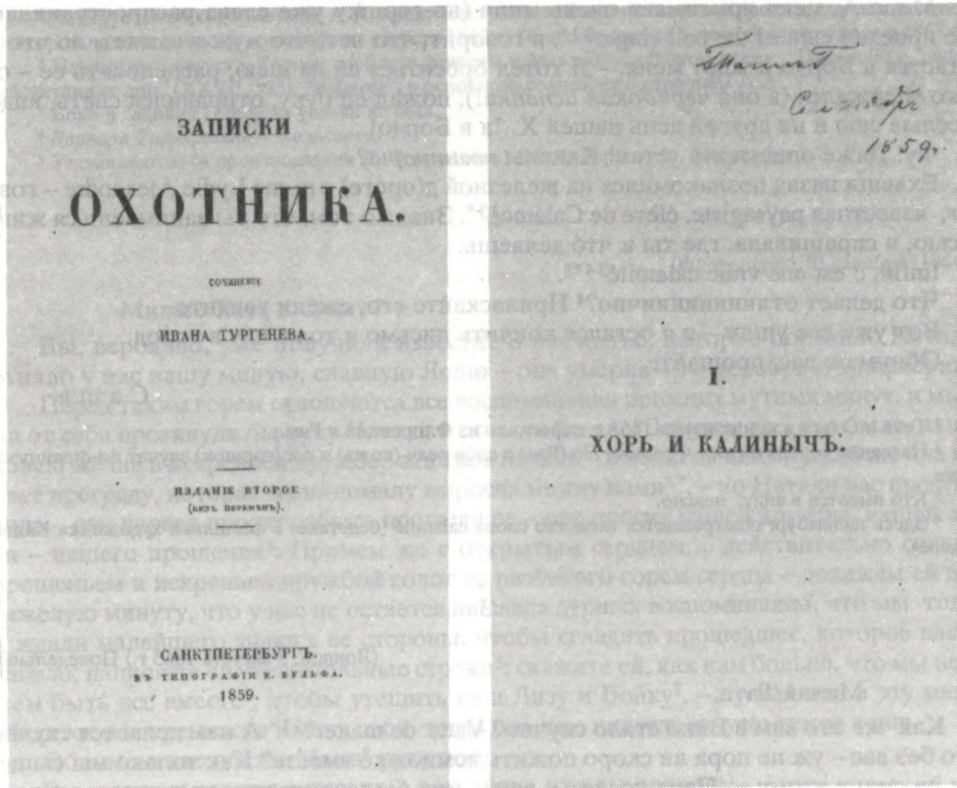
<sup>23\*</sup> X., насколько мне известно, не покидал (франц.).

<sup>24\*</sup> доброго вечера, сударь (местный диалект франц. с испанскими вкраплениями).

<sup>25\*</sup> Но разве господин полагает, что я делал все это из-за денег?” (то же).

<sup>26\*</sup> Я предоставляю вам поразмыслить, как я был потрясен, поскольку привык к англичанам” (франц.).

<sup>27\*</sup> “Г-н и г-жа А. уехали”. – “Как? и г.Х. с ними?” – “Да”. – “Где они?” – “Мы не знаем”. – “И г.Б.?” – “Он у себя”. – “Спросите его, где они и их адрес; он должен знать...” – “Г-н Б. велит сказать, что они в Бордо, но он не знает их адреса; вот, однако, адрес их банкира в Бордо, которому будет известен их адрес (франц.).



ЭКЗЕМПЛЯР ВТОРОГО ИЗДАНИЯ "ЗАПИСКИ ОХОТНИКА" И.С. ТУРГЕНЕВА (СПб., 1859), ПОДАРЕННЫЙ А.А. ГЕРЦЕНОМ СЕСТРЕ ТАТЕ

Титульный лист и один из форзацев с дарственной надписью А.А. Герцена: "Тате Г. Сентябрь 1859 г."  
Музей Герцена, Москва

Бросаюсь в телеграф... Требую ответа... Получаю, наконец, депешу от самого X.'а с его адресом. Бросаюсь на железную дорогу, опаздываю на поезд, телеграфирую (уже с радости): "Ждите – завтра приеду". Надо было опять ночевать. Что же мне вечером делать? Зайду к m-г В. – "M-г В. est sorti". – "Où est-il allé?" – "Au chemin-de-fer". – "Pour quoi?" – "Pour recevoir m-me A., qui revient ce soir". – "Comment? et m-г X. avec elle?" – "Probablement – puisqu'ils sont partis ensemble, ils reviendront ensemble"<sup>28\*</sup>. Ну вот счастье, что я опоздал на поезд! Вот было бы забавно, если б я уехал!

Через час:

"M-г В. est-il de retour?" – "Oui". – "Et m-me A.?" – "Egalement". – "Et les messieurs?" – "Qui ça?" – "M-г A. et m-г X.". – "Ils sont restés à Bordeaux". – "Pour longtemps?" – "Eh non, monsieur, ils vont ce soir à Paris!" – "C'est impossible! Ce n'est pas vrai..."<sup>29\*</sup> – кричу я... – "Mais si, monsieur, m-г A. s'en va dans son pays et m-г X. s'est décidé à l'accompagner jusqu'à Paris"<sup>30\*</sup>

"Ну, коли так, – думаю я, – так я ж тебе задам тукманку в Париже, черт тебя побери – мерзавца!" – "Dites à m-me A. que je veux la voir"<sup>31\*</sup>.

<sup>28\*</sup> "Г-н Б. вышел". – "Куда он пошел?" – "На железную дорогу". – "Зачем?" – "Чтобы встретить г-жу А., которая возвращается сегодня вечером". – "Как? и г.Х. с ней?" – "Вероятно – поскольку они уезжали вместе, они вернутся вместе" (франц.).

<sup>29\*</sup> "Г-н Б. вернулся?" – "Да". – "А г-жа А.?" – "Тоже". – "И господа?" – "Какие господа?" – "Г-н А. и г.Х.". – "Они остались в Бордо". – "Надолго?" – "О нет, сударь, они уезжают сегодня вечером в Париж!" – "Это невозможно! Это неправда..." (франц.).

<sup>30\*</sup> "Нет, правда, сударь, г.А. уезжает на родину, а г.Х. решил сопровождать его до Парижа" (франц.).

<sup>31\*</sup> "Скажите г-же А., что я хочу ее видеть" (франц.).

М-me А. меня принимает очень мило (по горшку уже слава распространилась, что приехал сын of the bell-ringer<sup>32\*</sup>, и говорит, что нет, что муж уезжает, но что X. остается в Бордо и ждет меня. – Я хотел броситься ей на шею, расцеловать ее – однако удержался (а она *черноокая испанка!*), пожал ей руку, отправился спать, видел веселые сны и на другой день нашел X. 'а в Бордо!

Фу! Даже описывать устал! Каковы *авантюры?*

Ехавши назад познакомился на железной д(ороге) с m-me Lydie Alexandre – говорят, известная paysagiste, élève de Calame<sup>33\*</sup>. Знала о том, что ты занимаешься живописью, и спрашивала, где ты и что делаешь.

Enfin, c'est une vraie calamité<sup>34\*</sup>.

Что делает отлйииииично?<sup>4</sup> Приласкайте его, ежели увидите.

Вот уже все ушли – и я остался кончить письмо и тоже иду в город.

Обнимаю вас, прощайте.

С а ш а

<sup>1</sup> Тата и Ольга в конце марта 1863 г. переехали из Флоренции в Рим.

<sup>2</sup> Название города на юге Франции *По* (Pau) и слов реан (кожа) и пот (горшок) звучат по-французски схоже.

<sup>3</sup> Кто имеется в виду, неясно.

<sup>4</sup> Здесь каламбур: обыгрывается сходство слова calamité (бедствие) с фамилией художника Калама (Calame).

3

⟨Лондон, 3 августа 1863 г.⟩ Понедельник<sup>1</sup>

Милая Тата,

Как же это вам в Вико стало скучно? Vatts de matter?<sup>35\*</sup> А нам делается скучновато без вас – уж не пора ли скоро пожить немножко вместе? Как только мы сыщем дом на смену этому – Папа поедет к вам – мне бы ужасно хотелось ехать с ним по многим причинам, да это вряд ли будет возможно... Но если вы останетесь до весны, то я приеду за вами, когда приблизится время вашего возвращения.

Miss Biggs, miss Caroline B(iggs), miss Hilditch, miss Soulsby send their kindest regards<sup>36\*</sup>.

Вчера у нас был grand dîner à la belle étoile<sup>37\*</sup>. Боке рассказывал совершенно новый и оригинальный ряд воспоминаний о комбрейской жизни своего отца и матери<sup>3</sup>, кн. Долгор(уков) отрачивал себе бороду, Варвара Тимоф(еевна)<sup>4</sup> курила, m-me Diosi удивлялась безобразию Варв(ары) Тим(офеевны) и своей собственной красоте; Тхоржевский говорил на всё: “Непременно zajee<sup>38\*</sup>, даю вам слово, это невозможно”... – стало, все было в порядке. – А под конец пришел Чернецкий и, уходя, сказал: “Adieu” и “прощайте”.

С а ш а

Ольгу саловайн.

Мали руку пожимайн.

Miss Reeve поклонивайс<sup>5</sup>.

*Рукой Герцена:*

3 августа. Писем от вас нет. Мы все здоровы.

Прощайте.

<sup>32\*</sup> звонаря (англ.).

<sup>33\*</sup> пейзажистка, ученица Калама (франц.)

<sup>34\*</sup> В сущности, это истинное бедствие (франц.).

<sup>35\*</sup> В чем дело? (искаж. англ.: What is the matter?).

<sup>36\*</sup> Мисс Биггз, мисс Каролина Б(иггз), мисс Хилдич, мисс Солсби шлют им свои сердечнейшие приветы (англ.).

<sup>37\*</sup> Торжественный обед с гостями под открытым небом (франц.).

<sup>38\*</sup> заеду (искаж. польск. zajade).

<sup>1</sup> Датируется по содержанию: А.А. пишет сестрам в г. Вико на остров Корсику, где они находились со второй половины июля до середины августа 1863 г. Понедельник на 3 августа приходился в 1863 г.

<sup>2</sup> Накануне, 2 августа, Герцен сообщил дочерям и Мейзенбуг об этом обеде: "Посылаю (...) афишу действующих лиц" (XXVII, 358). "Афиша", в основном, совпадает с перечнем А.А.

<sup>3</sup> Боке в "афише" Герцена указан не был.

<sup>4</sup> Варвара Тимофеевна – Кельсиева.

<sup>5</sup> Упоминаются (в произношении Л. Чернецкого) Ольга Герцен, М. Мейзенбуг и Э. Рив.

## 4

(Флоренция.) 10 декабря (1864 г.)<sup>1</sup>

Милые Тата и Ольга!

Вы, вероятно, уже получили известие о несчастье, которое поразило Натали и отняло у нас нашу милую, славную Лелю – она умерла 4-го декабря от дифтерии<sup>2</sup>.

Перед таким горем склоняются все воспоминания прежних мутных минут, и мы сами от себя протянули бы руку Натали и сказали бы ей: "Забудем все, что было, начнем новую жизнь в искренней дружбе: эта твоя печаль – и наша печаль, пускай же она провет преграду, которая мало-помалу выросла между нами"<sup>3</sup>, – но Натали нас предупредила – она первая просит забыть прошедшее – она просит нашей дружбы, нашей любви – нашего прощенья<sup>4</sup>. Примем же с открытым сердцем, с действительно сильным прощеньем и искренней дружбой голос ее разбитого горем сердца – докажем ей в эту тяжелую минуту, что у нас не остается ни следа дурных воспоминаний, что мы только и ждали малейшего знака с ее стороны, чтобы сгладить прошедшее, которое нас так давило; напишите ей утешительные строки<sup>5</sup>; скажите ей, как нам больно, что мы не можем быть все вместе<sup>6</sup>, чтобы утешить ее и Лизу и Бойку<sup>7</sup>, – пускай она в эту минуту убедится в искренности наших слов, тогда она уже никогда не усомнится в них.

Обнимаю вас обеих. Мали<sup>8</sup> руку жму.

Вы мне уже давно не писали – я не знаю, что вы делаете.

Я здоров и еще больше занят, чем когда-либо.

С а ш а

<sup>1</sup> Письмо адресовано в Рим, где Тата и Ольга находились вместе с Мейзенбуг с весны 1863 г. до конца мая 1865 г.

<sup>2</sup> О смерти своей дочери Лели Герцен сообщал старшим детям в письмах от 4 декабря 1854 г. (см. XXVII, 540).

<sup>3</sup> Ссора с Тучковой-Огаревой явилась одной из причин отъезда А.А. из Лондона во Флоренцию (см. XXVII, 522).

<sup>4</sup> Это письмо Тучковой-Огаревой неизвестно.

<sup>5</sup> Сохранился отклик Герцена на эти не дошедшие до нас письма. 8 января 1865 г. он писал Огареву: "Письмами Ольги и Таты я бесконечно доволен" (XXVIII, 11).

<sup>6</sup> 15 декабря 1864 г. Тучкова-Огарева с Лизой переехала из Парижа в Монпелье. Саша вместе с отцом приезжал к ней в начале января 1865 г.

<sup>7</sup> Бойка – мальчуган (от англ. boy) – второй из близнецов, Алексей, умерший вслед за сестрой (31 декабря).

<sup>8</sup> Уменьшительное имя М. Мейзенбуг.

## 5

(Флоренция.) 22 (февраля 1870 г.)<sup>1</sup>

Милая Тата!

Наши здоровья поправляются – я совсем здоров и дети тоже, – одна Терезина медлит. Но все же и ей лучше, и я думаю без неожиданных сюрпризов, ехать через 8 или 10 дней: скажи Гуго<sup>2</sup>, чтобы он во всяком случае мне телеграфировал из Парижа тотчас после первого свидания с нотариусом, должен ли я немедленно ехать или могу еще остаться несколько дней. Смотри по его депеше и по здоровью Терезины, я или останусь еще здесь, или поеду прежде к вам, или поеду прямо в Париж и уж после остановлюсь у вас.

Priez Hugo de négociier pour vous le traité de Satine<sup>3</sup>. Elle est de 2400 frs, donc 600 frs

pour chacun de nous; j'ai pris ces 600 frs ici sur l'argent commun; par conséquent, prenez chacune 600 frs, envoyez 600 frs à Olga<sup>4</sup> et ceux qui étaient à moi, donnez 500 à Ogareff pour le mois d'août et conservez 100 qui lui seront remis en septembre.

Hugo doit se souvenir dans ses arrangements avec monsieur (le) corr(еспондant) que nous avons encore à payer les 5000 frs à la commune de Châtel, avec intérêt 5% depuis février 70, et 5000 frs à la maison Rothschild de London, si la maison de Paris ne les met pas en compte courant.

Sur tout le reste nous sommes d'accord<sup>39\*</sup>.

Итак, до свидания.

С а ш а

Ежели кому-нибудь хочется или нужно мне телеграфировать, то адрес просто: "Herzen, Bagni Lucca, Italie", qui en a, sans doute, besoin tout de suite<sup>40\*</sup>.

<sup>1</sup> Месяц и год определяются по содержанию (письмо написано через месяц после смерти Герцена). А.А. должен был приехать в Париж, чтобы включиться в дела по наследству; упоминаются деньги, завещанные Герценом Шательской общине, в Швейцарии, гражданином которой являлся; проценты с этой суммы начислялись с февраля 1870 г. Письмо адресовано в Женеву, куда в феврале 1870 г. переехали Та-та с Тучковой-Огаревой и Лизой.

<sup>2</sup> Гуго Шифф вел наследственные дела Таты и Лизы, опекуном которых являлся, и находился, очевидно, в это время в Женеве – по дороге из Флоренции в Париж.

<sup>3</sup> Речь идет об одном из векселей Н.М. Сатина, присланных на имя Герцена в счет его долга.

<sup>4</sup> Ольга и Мейзенбург находились в это время в Париже.

## С.Л. ЛЕВИЦКОМУ

Публикация С.Д. Л и щ и н е р

В "амстердамской коллекции" сохранился черновой автограф письма А.А. Герцена из Лондона к его дяде (двоюродному брату Герцена) С.Л. Левицкому (Левицкий, 1819–1898), известному фотографу, жившему в Париже с 1859 до 1865 г. Письмо это написано 18 апреля 1863 г., в разгар польского восстания. В нем содержится существенный материал для понимания политических взглядов сына Герцена.

Известно, что в феврале 1863 г., во время пребывания в Лондоне члена ЦК "Земли и воли" А.А. Слепцова, сын Герцена вступил в это общество, взяв на себя обязанности его заграничного агента. 4 марта он отправился в Париж и Гейдельберг по делам общества, а 10 марта вернулся в Лондон, "исполнив все поручения", по свидетельству Герцена (XXVII, 295–297). Как можно заключить из письма Александра Александровича к отцу от 8 марта из Парижа, эти поручения были связаны, в частности, с помощью восставшей Польше и популяризацией деятельности "Земли и воли" во французской передовой прессе. Так, благодаря контактам А.А. Герцена с ее представителями в одной из парижских газет в эти дни было перепечатано письмо Герцена и Огарева к редактору "Morning Star" о слиянии "тайных кружков" в России в единое общество вместе с обращением ЦК "Земли и воли" о пожертвованиях (см. XVII, 54–55).

Посылая Герцену вырезку с этой публикацией, А.А. Герцен писал: "Польский вопрос двигаем вперед, и надежды много"; сообщал он и о намеченном деятелем польской эмиграции публицистом К.-Э. Хоецким "собрании на 14 марта" ("Лит. наследство", т. 63, с. 128<sup>41\*</sup>). В донесении же агента III Отделения Ю.-А. Балашевича-Потоцкого от 9 марта присутствуют све-

<sup>39\*</sup> Попросите Гуго договориться о переводе на вас векселя Сатина<sup>3</sup>. Он составляет 2400 фр., стало быть, по 600 фр. для каждого из нас; я взял эти 600 фр. здесь из общих денег; следовательно, возьмите каждая по 600 фр., пошлите 600 фр. Ольге<sup>4</sup>, а из тех, которые были моими, дайте 500 Огареву за август месяц<sup>5</sup> и сохраните 100, которые ему будут вручены в сентябре.

Гуго должен помнить в своих сделках с господином корр(еспондентом), что нам предстоит еще заплатить 5000 фр. Шательской общине с уплатой 5%, начиная с февраля 70 г., и 5000 фр. лондонскому дому Ротшильда, если парижский дом не поместит их на текущий счет.

Во всем остальном мы согласны (франц.).

<sup>40\*</sup> Герцену, Баньи-Лукка, Италия", у кого, несомненно, в этом срочная надобность (франц.).

<sup>41\*</sup> Дата письма – в его перлюстрационной копии (Biblioteka Polskiej Akademii Nauk, Kraków; фотокопия РГБ).